

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

МЕСТА КУЛЬТА В ЭЛЛАДСКОЕ ВРЕМЯ

То обстоятельство, что религия древних эллинов уже на рубеже нашего века подверглась обстоятельному, скрупулезному, во всеоружии громадного научного аппарата исследованию, не случайно. Ведь об этой стороне жизни греков особенно много и подробно сообщают письменные источники.

Когда исследования религии древних греков, обогащенные археологическими памятниками, восстановили перед нами и мировоззрение среднего жителя Эллады, и созданный его фантазией Олимп, перед наукой возникла проблема генезиса греческой религии. Древнейшим источником был Гомер; в строках его поэм можно найти эхо стародавних традиций и обрядов. Однако ни история Ахилла, ни приключения Одиссея не пригодны для обстоятельных размышлений на эти темы. И на сей раз археология пришла на помощь историкам. Великие открытия Шлимана в Микенах и Тиринфе расширили на целые тысячелетия рамки науки о Греции. Стало ясным, что люди эпохи бронзы оставили свидетельства высокой культуры, величайшие достижения в области строительства, искусства, металлургии. Вне зависимости от того, сколь многим они были обязаны соседнему Криту, предки античных эллинов предстали перед нами как творческий, активный народ, народ широкой политической экспансии и интересной культуры. Согласно гипотезе А. Дж. Б. Уэйса¹, принятой ныне большинством исследователей эгейской культуры, первая волна эллинов вступила на территорию материковой Эллады в начале среднеэлладского периода. Вне зависимости от того, сколько старых обычаев и верований было сметено нашествиями дорян, вряд ли можно сомневаться, что при наличии необходимых данных мы смогли бы установить культурную непрерывность в столь консервативной области, как религия.

Благодаря все более многочисленным открытиям элладских поселений в различных районах Греции (рис. 1) мы знаем теперь, какой керамикой пользовались эти люди, как они жили, как хоронили покойников. Мы знакомы с образцами мелкой пластики и глиптики и с ювелирными изделиями. Менее ясны вопросы культа. Источники здесь очень разнообразны, а их интерпретация все еще вызывает сомнение. Так, исследователи религии усматривают культовые сценки в изображениях на микенских перстнях. Некоторую трудность представляет при этом разграничение микенских и минойских памятников искусства. Перстни, найденные в Микенах или Тиринфе, могли попасть на материк из критских мастерских. Вот почему не всегда надежны выводы, базирующиеся на территориальных различиях². Тем не менее не следует отказываться от использования и такого рода источников. Несмотря на различия в трактовке и в подробностях, некоторые мотивы повторяются на этих перстнях очень часто. Среди человеческих фигур преобладают жрицы; элементы пейзажа состоят из деревьев и кустов,

¹ A. J. B. W a s e, The Arrival of the Greeks, «Viking», т. 18, 1954, стр. 211—226.

² H. B i e s a n t z, Kretisch-mykenische Siegelbilder, Marburg, 1954, стр. 71.

Рис. 2. Две жрицы в священной округе (рис. на золотом перстне из Микен)

Рис. 3. Процессия «демонов» перед тронем жрицы или богини (рис. на золотом перстне из Тиринфа)

среди которых возвышаются алтари и видны части построек. На этом фоне происходят сакральные танцы, встречи появляющегося божества, сцены, связанные с культом деревьев. (рис. 2), религиозные процессии (рис. 3) и т. д.

Гораздо большее значение в изучении элладских культов имеют архитектурные памятники. Эгейская культура не знала храмов в полном смысле этого слова. В этом первое различие между памятниками строительного дела Эгеиды и древних греков. И все-таки, доказывая непрерывность культа начиная с эпохи бронзы, историки религии ссылаются на строительное дело. Доказательства они ищут в памятниках элладского периода, которые археологи открывают во время раскопок основных культовых округ в Элладе. Материал из низших слоев в этих округах выглядит в самом деле весьма интересным.

Принимая для греческого материка деление эпохи бронзы на три главных периода — ранне-, средне- и позднеэлладский, мы имеем в виду следующие абсолютные даты ³:

³ G. Mylonas, *Ancient Mycenae. The Capital City of Agamemnon*, Princeton, 1957.

раннеэлладский период	—	около	2500—1900 гг.
среднеэлладский	»	—	» 1900—1580 гг.
позднеэлладский	»	—	» 1580—1100 гг.

Долина Дельфов ⁴ была, видимо, заселена уже в эпоху неолита, как об этом свидетельствуют найденные здесь каменные топоры. Однако о несомненном заселении этой местности можно говорить лишь со II тыс. до н. э. Находки инвентаря (фрагменты микенской керамики, терракоты, маленькая бронзовая секира, «минойский» ритон) были сделаны на территории священной округи и Мармария, установлено существование позднеэлладского поселения там, где позднее находилось святилище Афины Пронайи. Кроме того, западнее теменоса открыт некрополь того же периода, территория которого в арханский период была застроена жилыми домами. В Элевсине ⁵, где раннеэлладский период представлен лишь считанными фрагментами керамики, найдено много домов и могил среднеэлладского периода. Обнаружены также постройки, относящиеся к позднеэлладскому периоду. В Эпидавре, восточнее культовой округи Асклепия, вскрыты остатки существовавшего там, видимо, в течение многих веков культового центра. Среди них — фрагменты глиняных сосудов II тыс., обломки статуэток, людей и животных, а также фрагмент ритона из стеатита. В последних сообщениях из Додоны ⁶ — местонахождения древнейшего греческого оракула — говорится о нахождении фрагментов элладской керамики перед фасадом храма. Возможно, дальнейшие исследования принесут конкретные доказательства культового характера знаменитой Додоны в эпоху бронзы. В Олимпии ⁷ на вершине холма некогда находилось поселение, окруженное стеной. У его подножия лежал некрополь с камерными гробницами. Находки и из поселения, и из некрополя датируются преимущественно позднеэлладским периодом. История Делоса ⁸ также уходит в далекое прошлое. На вершине горы Кинтос, на террасе со святынями Зевса Кинтия и Афины Кинтия, древнейшие находки керамики и круглый стол на трех ножках восходят к эпохе бронзы. Подобные результаты дали археологические работы и на территории святилища Артемиды в Бравроне ⁹ (Аттика).

Мы привели здесь лишь несколько наиболее важных примеров. Все они подтверждают многовековую традицию знаменитых культовых округ Эллады. В некоторых случаях древнейшим следам жизни сопутствуют находки, свидетельствующие о том, что эти места уже тогда имели определенное культовое значение.

Наличие греческих храмов классического времени на тех территориях, которые раньше были важнейшими центрами элладской культуры, также может свидетельствовать о продолжении культовой практики. На развалинах дворца в Тиринфе, где в комплексе многочисленных помещений, несомненно, находился культовый репозиторий, была воздвигнута прямоугольная постройка, которую немецкие археологи определили как храм Геры ¹⁰. Необходимо все же отметить, что такая интерпретация встретила определенные возражения ¹¹. Часть микенского дворца, включающая алтарь, была

⁴ BCH, LXIV—LXV, 1940—1941, стр. 270.

⁵ K. K u r u n i o t i s, Das eleusinische Heiligtum von den Anfängen bis zur vorperikleischen Zeit, «Arch. f. Religionswiss.», XXXII, 1935, стр. 53 слл.

⁶ M. S. F. H o o d, Archaeology in Greece, «Archaeological Reports 1956», Suppl. to JHS, LXXVII, 1957, стр. 17.

⁷ Там же, стр. 16. Следы поселения в позднебронзовый век нельзя считать достаточным доказательством существования культового центра в Олимпии уже в эту раннюю эпоху.

⁸ K. S c h o l e s, The Cyclades in the Later Bronze Age, ABSA, LI, 1956, стр. 11.

⁹ H o o d, ук. соч., стр. 5.

¹⁰ «Tiryns. Die Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutschen Archaeolog. Instituts», I, Athen, 1912, стр. 31.

¹¹ По мнению К. В. Блегена, развалины греческого псевдохрама принадлежат в действительности постройке мегаронного типа, воздвигнутой в конце микенского

впоследствии занята дорийским храмом, что затруднило проведение систематических исследований участка предполагаемого культового репозитория позднебронзового века. Быть может, археологический материал приобретет большее значение в свете слов Геры из «Илиады» о том, как дороги ей Аргос, Спарта и Микены.

Особый комплекс аргументов в пользу длительности традиции дает мегарон, связанный со словарным фондом Гомера и обнаруженный не только в дворцовом строительстве эпохи бронзы¹², но и в сакральной архитектуре последующих периодов.

В научной литературе нет до сих пор работ, специально посвященных эгейской архитектуре. Зато в трудах о религиозных верованиях древних эллинов можно найти разделы об эгейских алтарях и святилищах. Первого места среди этих работ заслуживает книга М. Нильссона о минойско-микенских религиозных верованиях и об их длительных пережитках в греческой религии¹³. Краткие сведения о памятниках сакральной архитектуры дают и авторы общих трудов по эгейской культуре¹⁴. В польской литературе эти памятники отчасти учтены Р. Гостковским¹⁵ и К. Масвским¹⁶.

Ввиду фрагментарности данных картина сакрального строительства все еще не претендует на полноту. Аргументом в пользу существования культового центра вблизи какого-нибудь селения, в пещере или в доме иногда считается какая-нибудь скромная находка: двойная секира, сосуд культового назначения, статуэтка почитательницы или богини¹⁷.

Самые ранние культовые находки, датируемые эпохой неолита, происходят из Димини¹⁸ в Фессалии. Здесь открыли каменную конструкцию, интерпретируемую как алтарь с очагом, от которого сохранился слой пепла. Со времени неолита имела культовое назначение обнаруженная в 1958 г. вблизи Марафона¹⁹ пещера, состоявшая из нескольких больших низких помещений. Труднее определить, когда стала местом культа пещера Лихноспелейон²⁰ в северной Аттике.

От раннеэллиадского периода известно помещение культового назначения в Евтресис²¹ в Беотии. Оно составляло часть постройки и имело очаг со следами огня и костей животных; здесь же обнаружены прямоугольная скамья и ритон в виде быка. В полу рядом с дверью была выкопана яма.

Раннеэллиадским II периодом датируется древнейшее святилище, открытое на территории на месте сожженного дворца (C. W. Blegen, Korakou. A Prehistoric Settlement near Corinth. Boston — N. Y., 1921, стр. 130—133).

¹² W. Dörpfeld, Das Megaron der homerischen Paläste, Ath. Mitt., XXIV, 1899, стр. 95 слл.

¹³ M. P. Nilsson, The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion, изд. 2-е, Lund, 1950. Заслуживает внимания также небольшая работа Ch. Picard, Les religions préhelléniques (Crète et Mycènes), P., 1948.

¹⁴ Библиографию см. — В. Е. Мoон, Mycenaean Civilization, L., 1957 (рец. — JHS, LXXXVIII, 1958, стр. 151); о н а ж е, A Second Bibliography, L., 1941.

¹⁵ R. Gostkowski, Kapłani i kapłanki w sztuce kretańsko-mykeńskie i greckiej, Wilno, 1934.

¹⁶ K. Majewski, Kultura aigajska, Lwów, 1933; о н ж е, Kreta — Hellada — Cyklady, Warszawa, 1963.

¹⁷ Об этом см. L. Press, Problemy periodyzacji budownictwa sakralnego na Krecie w III i II tysiącl. p. n. e., «Archeologia», VII, 2 (1955), 1957, стр. 31 слл.

¹⁸ A. J. B. Wace and M. S. Thompson, Prehistoric Thessaly, Cambr., 1912, стр. 79 слл. Так их интерпретирует C. G. Yavis, Greek Altars. Origins and Typology Including the Minoan — Mycenaean Offertory Apparatus, Saint Louis (Miss.), 1949, стр. 36.

¹⁹ AJA, LXII, 1958, стр. 321.

²⁰ Арх. Ήετημ., 1906, стр. 89; Nilsson, ук. соч., стр. 67.

²¹ H. Goldmann, Excavations at Eutresis in Boeotia, Cambr., 1931, стр. 17—20.

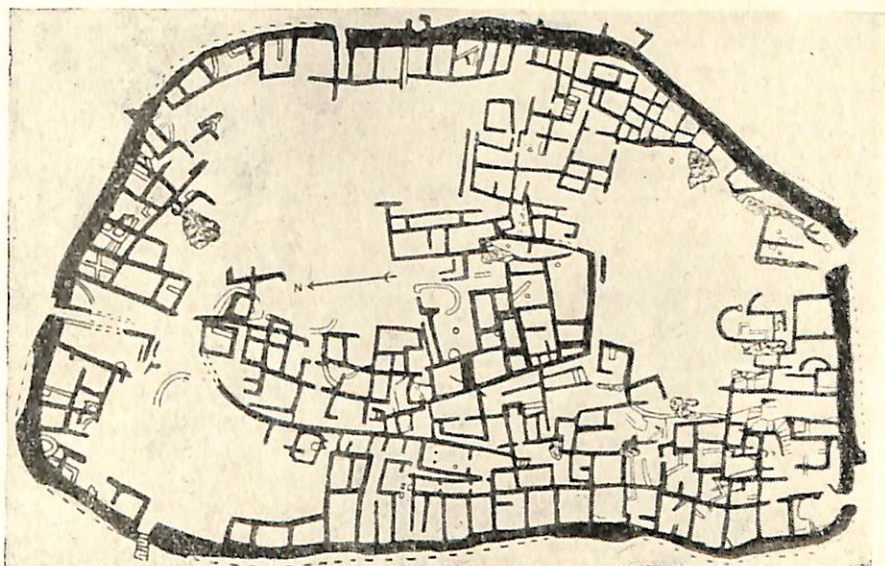

Рис. 4. План поселения в Мальти

ритории селения Мальти-Дорион в Мессении (рис. 4)²². Святилище это занимало домик вблизи южных ворот, состоявший из двух помещений: почти квадратного западного ($4 \times 4,5$ м) и прямоугольного восточного. Вход, видимо, находился по южной стороне. На длинной оси каждого помещения имелось каменное основание колонны, а по обе стороны от общей стены в слое пепла и обугленного дерева были обнаружены каменные плиты. По мнению Вальмина²³, который вел там раскопки, плиты эти использовались как очаги, алтари или для умерщвления жертвенных животных. В обоих помещениях обнаружено большое количество фрагментов керамики — остатков разбитых здесь же сосудов. Близость предполагаемого могильника свидетельствует, согласно шведским археологам, о связи этой постройки с культом мертвых. Это святилище использовалось до конца позднеэлладского периода.

Второе святилище Мальти-Дориона занимало вершину холма и помещалось в одной из самых больших комнат (8×6 м) пятикомнатного строения. В ней некогда стояла колонна на квадратном основании, вблизи задней стены обнаружен полукруглый очаг (возможно, алтарь) диаметром в 1,75 м. Большие размеры очага, обилие находок керамики и планировка комнаты дают основание полагать, что здесь происходили торжественные ритуальные обряды. Отсутствие мелких предметов культового назначения вызывает все же некоторые сомнения в правильности предложенной Вальмином в порядке гипотезы интерпретации данного помещения. Правда, гипотезу его убежденно поддерживает такой крупный знаток греческих алтарей, как Йэвис²⁴.

В Бербати, под Микенами, на склоне акрополя среди развалин поселения бронзового века шведский археолог Перссон²⁵ открыл сильно разрушенный дом с каменной скамьей у стены. На скамье, служившей, видимо, алтарем, находилась позднемикенская амфора, четыре идола того же времени и черпак. Хотя дом этот был покинут жителями после того, как на этом участке возникла гончарная мастерская, культо-

²² M. N. Valmin, Malthi. The Swedish Messenia Expedition, Lund, 1938, стр. 398—411.

²³ Valmin, ук. соч., стр. 78 сл.

²⁴ Yavis, ук. соч., стр. 39.

²⁵ AA, 1938, III—IV, стб. 552.

вая часть со свойственным ей инвентарем осталась без изменений. Кроме этого, в Бербати было открыто еще одно место культа. В помещении, занимавшем юго-западный угол гончарной мастерской и датируемом несколько более поздним временем, был найден малый алтарь со сломанным микенским идолом. Рядом был проведен выложенный камнем небольшой канал, по которому стекали жидкие жертвоприношения (рис. 5). Заметное в археологическом материале стремление гончаров²⁶ обеспечить себе опеку божества в их трудном и полном суеверий ремесле не требует пояснений.

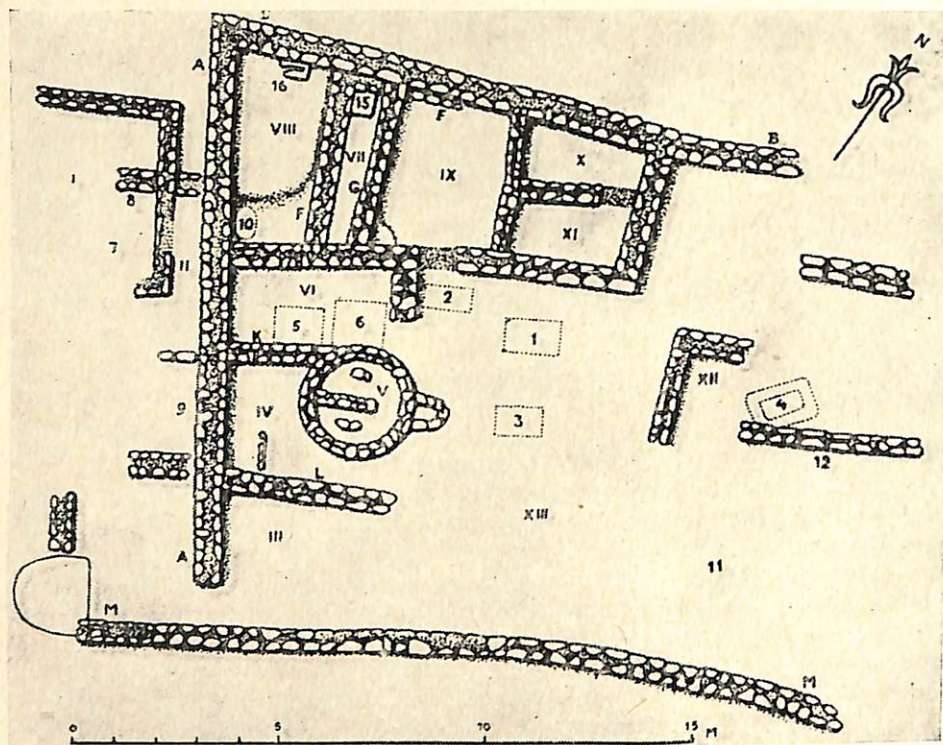

Рис. 5. Дом в Бербати. Культовые помещения — VII и VIII

Во дворце²⁷ в Микенах при реставрации портика большого мегарона было открыто место, где находились круглый алтарь и жертвенный стол с четырьмя углублениями. Эти находки свидетельствуют о тесной связи центральной части дворца с культом. Имеются кроме того доказательства, что в помещении, прилегавшем к северному коридору, находился сакральный репозиторий. Там сохранились два переносных алтаря и очаги или жертвенные столы из глины, обмазанной расписным штукатуром. Под цементным полом в этом помещении был еще один, глиняный, в который была вделана небольшая плита из известняка ($46 \times 25 \times 0,7$ см) со следами красного штукатура. Если судить по найденной здесь керамике, все эти предметы датируются среднеэлладским периодом. Быть может, в этот период описанное дворцовое помещение стали использовать в культовых целях. К сожалению, стены дорического святилища не позволяют более обстоятельно обследовать эту часть дворца. Интересно, что ориентировка этого

²⁶ Б. Л. Богаевский, Гончарные божества минойского Крита, Л., 1931.

²⁷ A. J. B. W a s e, Mycenae. The Shrine and Adjoining Chambers, ABSA, XXV, стр. 223 слл.; M. S. F. H o o d and J. B o a r d m a n, Archaeology in Greece, «Archaeological Reports 1955», Supplb. to JHS, LXXI, 1956, стр. 11.

«святилища лишь немногим отличается от ориентировки микенского сакрального репозитория.

В Тиринфе, где из-за плохой сохранности дворца определены точно только двор, главный мегарон и в общих чертах жилые комнаты для мужчин и женщин, во дворе были открыты остатки алтаря²⁸.

В результате археологических работ, ведущихся в последние годы К. В. Блегеном в Пилосе²⁹, связанный с культом комплекс открыт в северо-западном крыле дворца (рис. 6). На обширном дворе, вблизи семи помещений, сохранился большой каменный блок со следами фрескового орнамента, который определяют как алтарь. Блеген считает фундаментом небольшого строения с малым портиком остатками «часовни». Она обращена фасадом к этому алтарю.

В Асине³⁰ в комплексе строений, который называют микенским дворцом, имеется одно помещение (7 × 5 м) с каменной скамьей у задней стены и основаниями двух колонн на длинной оси. Скамья несомненно играла роль алтаря, если судить по разбросанным вокруг мелким предметам. Среди них были женские идола, каменная секира, различные сосуды и мраморная головка. Весь этот комплекс шведские археологи датируют концом позднелладского III периода.

О существовании в Ароглиде места культа, не связанного с поселениями, свидетельствует множество терракот (изображения женщин и животных), открытых около деревни А. Василиос³¹. Эти терракоты, сложенные на площадке в 5 × 3 м вблизи дороги, ведшей в позднелладский период из Микен на Коринфский перешеек, возможно, были обязаны своим происхождением путешественникам, которые приносили дары богам в святилище у дороги.

Весьма характерно, что в культуре, которая не знала храмов в полном смысле этого слова, места, посвященные богам, отличались столь разнообразными формами. Эти места культа прежде всего были тесно связаны с природой — пещеры, священные округа под открытым небом, сакральные рощи, пригорки и возвышенности. Известные с древнейших времен и доступные для всех, они восходят к тому периоду в истории элладских поселений, когда жители Балканского полуострова жили в условиях родового строя. Кроме того, племена воздвигали алтари и резервировали для богов строго определенные места внутри древнейших поселений.

По мере изменения социально-экономических отношений, развития частной собственности и постепенного формирования центров власти шло развитие и сакрального строительства³². Священные возвышенности начали окружать стенами, строили горные святилища. Божество постепенно локализовалось в помещениях, входящих в состав жилых строений господствующей прослойки. Инвентарь этих помещений — алтари, жертвенные столы, сосуды для возлияний и тому подобные предметы — ныне во многом облегчает археологам выделение такого рода помещений среди других. Иногда в них воздвигали колонны, которые Дж. Томсон назвал стилизованной формой священного древа³³. Постепенно обычай предназначать одну комнату для целей культа распространился также на удобные многокомнатные дома лиц, связанных с властью и с государственной администрацией, землевладельцев и зажиточных купцов. Следы их встречаются чуть ли не в каждом исследуемом археологами поселении

²⁸ F. Matz, *Die Ägäis, «Handbuch der Archäologie im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft»,* вып. 4, Münch., 1950, стр. 198 сл.

²⁹ C. W. Blegen, *AJA*, LXII, 1958, стр. 176 сл.

³⁰ AA, 1927, III—IV, стб. 378—380; C. Frödin and A. W. Persson, *Asine. Results of the Swedish Excavations 1928—1930*, Stockholm, 1938, стр. 71.

³¹ AA, 1913, III, стб. 116.

³² Интересные замечания об «организации культа» и о постепенном отходе от естественных мест культа принадлежат Ш. Пикару (ук. соч., стр. 71 сл.).

³³ G. Thomson, *Studies in Ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean*, L., 1949. Первое серьезное исследование о культе деревьев и колонне опубликовал А. Эванс: A. Evans, *Mycenaean Tree and Pillar Cult*, JHS, XXI (1901).

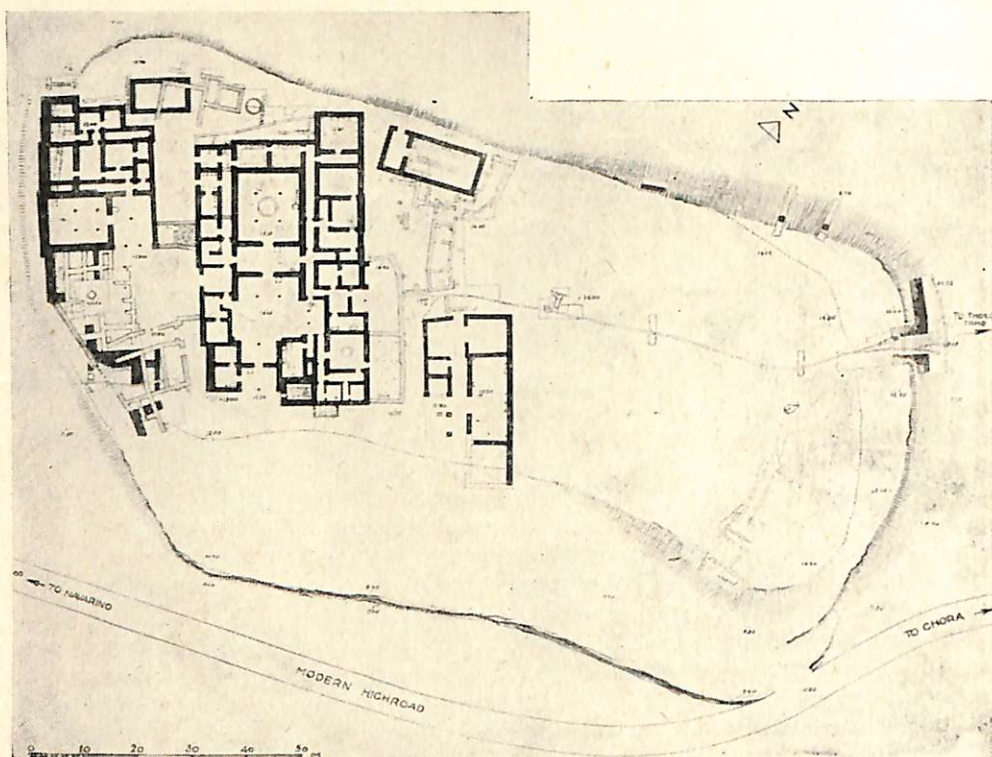

Рис. 6. Пилос-Энглианос. Акрополь и «дворец Нестора»

Развитие ремесленно-торговых городов повлияло на концентрацию населения, дифференцированного в имущественном и социальном отношении. Это население не могло уже удовлетвориться алтарями в отдельных домах или дворах. Так возникла необходимость строительства городских святилищ³⁴. Такого рода постройки воздвигались преимущественно на возвышенностях и состояли из одного или нескольких небольших помещений. Ведь аналогично всем объектам культа эгейской культуры³⁵ они мысли-

³⁴ Л. Банти считает, что городские святилища возникли в результате выделения культовых помещений из вилл и дворцов (L. Banti, *I culti minoici e greci di N. Triada*, «Annuario», N. S., III—IV, 1941—1942, стр. 40). Таким образом, был сделан серьезный шаг на пути к созданию храмов. Однако если мы и будем так оценивать развитие эгейского сакрального строительства, то все же нельзя забывать о том, что домашние и дворцовые «часовни» существовали вплоть до последних лет позднемикенского III периода.

³⁵ Проблема подобия и различий в верованиях жителей Крита и материка, анализ присущего им сакрального инвентаря, сравнительная характеристика сакрального строительства — все это темы специальных исследований, авторы которых высказывают различные точки зрения. Нильссон в первом издании цитированной работы (Lund, 1927) трактовал минойско-микенскую религию как единое целое. Во втором издании он частично отказался от прежних взглядов (стр. VIII). Г. Роденвальдт считал, что отсутствие храмов как у критян, так и у жителей Элады связано с отсутствием монументальных культовых скульптур (G. Rodenwaldt, *Der Fries des*

лись как место пребывания божества, а не как место собраний участников религиозных обрядов. Можно полагать, что строительство городских святилищ рассматривалось как реальное доказательство охраны религии владыкой или городской администрацией. По сравнению с царскими дворцами и великолепными гробницами в отдельных центрах элладской культуры (Микены, Тиринф, Пилос) постройки религиозного характера отличались скромными размерами и не требовали значительных финансовых расходов.

Места сельского культа³⁶, которые несомненно были менее устойчивы, чем в городских центрах и во дворцах, не поддаются определению при раскопках. На сей раз конкретный объект должен быть заменен иконографией. Изображения легких деревянных сакральных конструкций и окруженных оградами священных деревьев дают некоторое представление о сельских часовнях и придорожных святилищах³⁷.

Ставя сакральные постройки в связь с определенными социально-экономическими условиями и с определенной общественной прослойкой, мы не должны забывать о консервативности форм, особенно сильной в области религиозных верований и обрядов. Вот почему старинные пещеры и пользовавшиеся некогда почитанием места культа под открытым небом не были забыты и в последующее время. Находимые здесь жертвоприношения принадлежали иногда людям, которые жили в эпоху сильной царской власти и организованного культа.

Кроме особых мест и предназначенных для культа богов построек мы располагаем памятниками эпохи бронзы, которые можно расценивать как свидетельства культа мертвых. Последний проявляется не только в особом погребальном строительстве, в отделении определенных могильных комплексов стеною, напоминающей стену теменоса, но и в наличии алтарей на кладбищах. Существуют и иные мелкие явления, на первый взгляд непонятные, которые, видимо, связаны с заботой об оказании почестей покойникам.

Отсутствие каких-либо соответствующих письменных источников чрезвычайно усложняет эту проблему. Г. Милонас³⁸ посвятил ей обширную статью, в которой доказывает, что при нынешнем состоянии знаний у нас нет никаких археологических источников, которые бы позволяли предполагать существование культа мертвых в ранне- и среднеэлладский периоды. При этом он полемизирует со шведскими археологами, раскапывавшими Мальти-Дорион и Асину. В самом деле, нам известны разнообразные материалы позднеэлладского периода. В научной литературе считают элементами, как-то связанными с культом мертвых, ниши в стенах погребальных камер и дромосов, ямы на дне могил и следы огня в них. С определенным жертвенным ритуалом можно, разумеется, связывать только те ниши и ямы, в которых отсутствуют кости, ибо в противном случае их появление вызвано самим погребением. Необходимо

Megarons von Mykenai, Halle, 1921, стр. 16). Аналогичным образом рассматривал этот вопрос и Т. Зелинский, который писал: «...пока не были известны статуи божеств, не ощущалось нужды и в храмах» (Т. Zieliński, Religia starożytnej Grecji, Warszawa, 1937, стр. 70).

³⁶ А. В. Перссон приписывает очень большое значение влиянию земледелия и заботе об урожае на формирование религиозных форм и сущности верований (A. W. Persson, The Religion of Greece in Prehistoric Times, Los Angeles, 1942, стр. 163).

³⁷ Йэвис (ук. соч., стр. 22) считает, что таким объектам соответствуют современные придорожные часовни. Так же и в эпоху бронзы прохожие могли останавливаться для отдыха или молитвы у придорожных часовен. По мнению Нильссона (ук. соч., стр. 234), культ деревьев был деревенским культом и поэтому любое изображение дерева с оградой надлежит интерпретировать как изображение сельского места культа. Думаю все же, что в этих изображениях примитивность деревянной ограды больше связана с сельским поселением, чем наличие дерева.

³⁸ G. E. Mylonas, The Cult of the Dead in Helladic Times, «Studies Presented to D. M. Robinson», I, Saint Louis (Miss.), 1951, стр. 64—105.

также учитывать, были ли ниши и ямы доступны людям после внесения тела в камеру. Ведь замурованную нишу или яму в камере нельзя было использовать для культовых целей после того, как участники похорон покидали эту камеру. По-разному интерпретируют и следы огня, не связанные с сжиганием тел. Огнем несомненно дезинфицировали и очищали могилу, когда ее открывали для внесения следующего покойника.

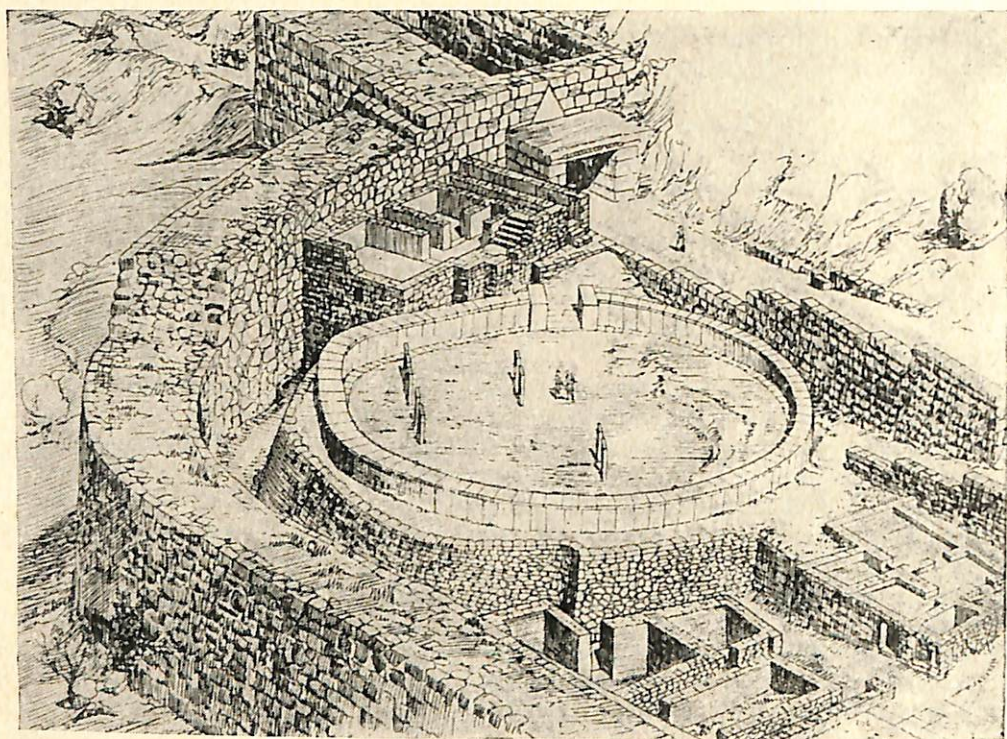

Рис. 7. Шахтовые гробницы и священная ограда на акрополе Микен (реконструкция)

Однако трудно сказать, можно ли огонь ставить в связь с погребальным ритуалом и с культом мертвых. Факты, касающиеся ограды шахтовых гробниц в Микенах (рис. 7), не подлежат сомнению. Однако не так обстоит дело в отношении других некрополей, где возможны разные толкования. Поэтому можно полагать, что даже в позднееэлладский период культ мертвых не пользовался широким распространением; он относился, видимо, к узкому кругу лиц, прежде всего к покойным царькам.

В представлениях древних эллинов надлежащие похороны были исключительно важным делом для спокойствия покойного и его ближайших родственников. Об этом свидетельствуют обращенные к Патроклу слова Ахилла в «Илиаде» (XXIII, 179 сл.):

«Радуйся, милый Патрокл, хотя б и в жилищах Аида!
Делаю все для тебя, что раньше тебе обещал я!»

(пер. В. В. Вересаева)

Л. Пресс

ДВОРЕЦ В ВУНИ НА КИПРЕ

Первые монументальные сооружения I тыс. до н. э. появляются на Кипре в погребальной архитектуре: в конце геометрического — начале архаического периода отчетливо выделяется своими размерами и строительной техникой группа монументальных каменных склепов¹. К концу архаического периода (начало V в.) относится и первый монументальный памятник жилой архитектуры — дворец на скалистой возвышенности Вуни² у моря, в северо-западной части Кипра, неподалеку от древнего города Сола.

Дворец занимал вторую террасу обширного плато, окруженного оборонительной стеной, спускавшейся к морю. Ниже располагалось поселение, отделенное от дворца некрополем, самую вершину холма занимало святилище Анат — Афины. Дворец представлял собой комплекс помещений вокруг центрального двора. Раскопками выявлены два основных строительных периода и установлено, что наиболее существенные изменения были произведены в середине V в. до н. э.

Первоначально дворец имел юго-западный фасад с парадным входом, составлявшим единое целое с официальными апартаментами. Этот парадный комплекс имел трехчастное деление в глубину и ширину и состоял из главной, средней и двух боковых секций. Средняя секция включала в себя три расположенных одно за другим в глубину помещения (рис. 1, 51—53) — входной вестибюль, главный приемный зал и внутреннее помещение, открытое во двор (рис. 1, 47). Боковые секции, также разделенные в глубину на три части, имели собственные входы снаружи и сообщались с центральной секцией и помещениями, примыкавшими к ним сбоку. Передние части боковых секций были выдвинуты, фланкируя расположенный в глубине главный вход.

Из внутреннего зала по ступеням спускались во двор, почти квадратной формы, окруженный с трех сторон колоннами. Посредине находилась цистерна; вокруг двора располагались жилые комнаты и баня (рис. 1, 40—43), примыкавшие к нему узкой стороной, за исключением помещения 34—36 с широким открытым проемом. Комнаты выходили не непосредственно во двор, а в крытые галереи типа пастад³. К юго-востоку от центральной части находились кухни, к северо-западу — жилые комнаты, кладовые, бани, уборные. Дворец был окружен небольшими святилищами в виде открытых дворов — теменосов и закрытых капелл. Общие размеры дворца первого периода — 80 × 55 м.

При перестройке в середине V в. до н. э. (рис. 2) над некоторыми помещениями был возведен второй этаж⁴, в юго-восточной части появился большой прямоугольный хозяйственный двор (рис. 2, 87); в бане (40—43) было устроено теплое отделение. Главный вход был заложен, и в противоположной части устроен новый (сбоку, через помещение 37, с поворотом во двор под прямым углом). Таким образом, парадный комплекс превратился в закрытое с тыла помещение, расположенное в глубине двора и несколько напоминавшее мегарон микенских дворцов II тыс. до н. э.

Еще до опубликования окончательных результатов раскопок были высказаны разные мнения об архитектуре этого здания. В предварительных сообщениях его сближали с критскими и микенскими дворцами II тыс. до н. э.⁵ По мнению В. Мюллера, выступившего в печати до выявления двух строительных периодов, в архитектуре дворца в Вуни, эклектически сочетающей исконно месопотамский принцип центрального двора, мотив египетского перистыля, некоторые детали сиро-хеттских хилани и мегарон, сохранившийся на Кипре еще со II тыс. до н. э., преобладают черты, заимство-

¹ «The Swedish-Cyprus Expedition» (далее — SCE), IV, Stockholm, 1947, стр. 454.

² Раскопки Шведской кипрской экспедиции. См. SCE, III, 1, 1937, стр. 76 слл., 111 слл.; SCE, IV, стр. 23.

³ См. реконструкцию: SCE, III, 1, табл. XXVI, XXXVII.

⁴ SCE, III, 1, табл. XXVII.

⁵ «Syria», XII, 1934, стр. 60.